

продолжение

Category: Kitarcy, Romanlar

написано kitarcy | 24 января, 2025

Казнь Махамбета -3/ продолжение ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

- БЕКЕТ АТА

Ворон бегаёт по заснеженному огороду, оставляя следы. Может ведь летать, так нет же, бегаёт. Издевается! Я хожу с мотыгой, убираю снег с дорожек между грядками. Мог бы сейчас сидеть в тёплой келье, читать книгу, или быть на уроке медитации самого ходжи На Сима. Но нет же, хожу тут, по огороду, уже простывший, нос забит, глаза слезятся, а я ещё и ноги морожу, а все почему? Потому что, как и этот вот, ворон, издевался. Над таким же учеником-талибом, как и я. А я что, виноват, что тот стихи дурные пишет? Нет, ну правда, что за строчки такие:

«Я прошу наказания, ведь я виноват.

В сердце – боль и стенанья, ведь я виноват.

К очищению мне путь открывает признание,

и мое покаянье – ведь я виноват!».

Нам как-то ходжа рассказывал о шиитах, что в вечном джихаде с последователями сунны Пророка, Мир Ему, за убитых во время намаза имамов Гасана и Гусейна. Так они в день смерти этих имамов которое столетие себя цепями хлещут, говорят, даже получают от этого высшее наслаждение. Вот и эти стихи, будто кто сам себя отхлестать решил! Меня и понесло, когда этот стихоплет из моего же, кстати, рода, позор бершей, воистину, начал читать свои вирши. Не выдержал, прервал, переиначил под фарсидского поэта Хайяма Нишапури:

«Я испил этот кубок до дна – виноват!

И уж только за то, что желал – виноват!

Так случилось в судьбе: отрицай, признавайся...

Все равно только будешь кругом – виноват!»

Нет, ну смешно же! Все ведь рассмеялись, даже сам ходжа На Сим улыбку спрятать не смог, уж я то глазастый, заметил! А все равно велел в наказание за гордыню снег в огороде убирать. Еще проводил так, стихами:

«Даже если к стихам ты имеешь талант,
Даже если Хайям для тебя – друг и брат!
Все равно в огороде помашешь мотыгой.
Потому что гордынею ты виноват!»

А вообще мне рубаи плохо даются! Все мне кажется, что эти правила душат сам смысл, это как пытаться вогнать дыхание полной грудью в строгие дыхательные упражнения, которые мы выполняем перед каждой молитвой-намазом. Я как-то ходжу На Сима спросил: «Вот вы все время говорите, что суфий учится сам писать правила жизни, тогда почему нас заставляете все делать по правилам? Зачем этот намаз мы совершаем по правилам суннитов, если вы сами рассказывали ривайет про Вейселя Карани, которому Пророк, Мир Ему, разрешил совершать молитву так, как тот сам считает нужным?». А ходжа мне в ответ: «Потому что Вейсель Карани УЖЕ знал, КАК надо молиться, и умел делать это настолько в совершенстве, что в поисках еще более совершенного поклонения начал искать свой путь! Прежде чем ломать правила ради создания новых, более совершенных, надобно старые выучить. Понял?». Ну, я ему ответил, что понял, мол. А он меня все равно отправил огород копать. То ли в наказание, то ли – для лучшего понимания. Какая разница, когда остальные в тепле книги читают, или дыхательные упражнения делают, а я тут с мотыгой за вороном гоняюсь?!

– А разница в том, что так в твою упрямую голову может быть войдет, наконец, мысль, что изучать правила в тепле лучше, чем зазря спорить с учителем о том, как нарушать эти самые правила! – ходжа подкрался незаметно, хотя шел ведь издали, от здания мектеба до огорода сто шагов, никак не меньше! Как ему это удастся? И он что, мысли мои читает? Нет, об этом я

его спрашивать не буду, не интересно мне это. А вот что мне интересно:

– Ходжа, а разве плохо то, что я спорю? Разве не в этом путь к поиску истины? Разве спорить с учителем – запрещено?

– Не запрещено... ты не отвлекайся, продолжай работать! – идет рядом со мной, словно урок ведет, смотрит себе под ноги, но я-то уже знаю, что он все замечает, меня не проведешь! Я и работаю, а он говорит:

– Запрета на спор нет, но последствия спора с тем, кто знает правила лучше тебя, должны быть тобой усвоены. Обычно, эти последствия оборачиваются наказанием для спорщика...

– И что же теперь, значит, все же не стоит спорить? – не выдерживаю я. Зло взяло, бросил мотыгу, смотрю на него, а он хитро так улыбается в ответ:

– Это уже тебе решать! Стоит твой спор последующего наказания? Стоит истина, которую ты узнаешь, того, чтобы поморозить ноги, например?

– Стоит! Истина – она всего дороже! И нет цены, которую нельзя было бы заплатить за познание...

– Того, что снег морозит ступни, а уборка снега зимой в степи – бессмысленное занятие? Эта истина стоит твоих мучений? – все еще хитро улыбается ходжа.

И тут до меня доходит. Я – баран! Нет, хуже – я осел, потому что баран хотя бы может не работать, а осла еще и работать заставляют за его глупость! Прямо как меня! Как же я сразу не понял?! Хватаю мотыгу, сдерживаю себя с трудом... дышу, как учили... самым смиренным, каким только умею, голосом выдаю в ответ:

– Истина познания того, что через терпимый холод сейчас я научусь выносить более тяжкие морозы? И если Степь находит смысл в том, чтобы посылать снег, может я найду смысл в том,

чтобы убирать его? Разве не за этими, внешне бессмысленными действиями, и кроется истинный смысл всего бытия, Учитель?

Ох, как я люблю такие мгновения! Не часто они случаются, за все полгода моего пребывания в медресе это лишь третий раз, когда мне удалось такое! Ходжа смотрит на меня, и челюсть его медленно опускается. Пар от теплого дыхания выдает – и он тоже выполняет сейчас дыхательное упражнение, чтобы обуздать чувства.

– Есть такое слово у древних греков, называется «демагогия»! Ты будешь великим демагогом! – ну вот, взял себя в руки, опять какую-то каверзу выдал.

– Слово-то, небось, ругательное? – с недоверием спрашиваю.

– Ничуть, как можно! – возмущается ходжа. – «Демагоги» – люди, говорящие от имени народа. Способные настолько хорошо владеть как формой речи, так и знаниями смыслов, чтобы управлять настроениями слушателей, как бы много их ни было! Впрочем..., – на миг задумался. – Как ты сумел обернуть смысл урока из смешного в великое, так и народ может поступить с точностью до наоборот, обернув великое в смешное, и возможно, когда-нибудь «демагог» и станет словом ругательным, а те, кто владеют словом и речью, будут в меньшей чести, нежели косноязычные невежи.

«Демагог» – я пробую чужое греческое слово на вкус, и оно мне не нравится. Нет, не хочу быть демагогом! Мой родной «акын» нравится мне гораздо больше. А еще лучше – «жырау»! Есть в этом слове, в этих звуках, рвущийся от полета стрелы воздух, дрожь тетивы, и будто слышится клич воина... Я буду жырау! А демагогов пусть греки оставят себе!

– Я буду!.. – только начинаю говорить, как ходжа прерывает меня:

– Конечно, будешь! Как желаешь, назови то, чем собираешься заняться, но суть от этого не изменится.

– Неправда, ходжа! Название важно! Имя – важно! Слово, в который мы одеваем смысл, способно изменить сам смысл! – спорю с учителем, яростно, от всего сердца, опять спорю, а ведь знаю, что нельзя так, но смотрит на меня в ответ ходжа взглядом чуть удивленным, и даже ласковым, улыбается, бормочет в белые усы:

– Прав был Пір, как всегда, прав. Мальчишка сердцем чует купия-тайну, суть того, что невежи называют колдовством, волшебством суфиев..., – и уже громче, для меня, добавляет: – Оставь мотыгу, следуй за мной.

Сказал, и ускорил шаг, так, что бежать за ним, догонять пришлось. Вслед кричу:

– Куда пойдем, ходжа?

А он не оборачивается, не говорит ничего, только идет в направлении мечети. Зачем, ведь полуденный намаз уже совершили, а до икинди еще часа два есть?!

Недалеко от входа Учитель задерживается у дестемаз-чешме: хитрое сооружение из труб, подводящих воду от напорной башни, и белого камня, для омовения идущих на намаз. Догоняю его, оба принимаем малый абдест. Вода на морозе обжигает лицо, уши, руки, омытые по локоть, ступни; дыхание прочищается, мысли становятся яснее.

На пороге мечети стоит пара башмаков: кто-то из послушников каза – пропущенный из-за работы намаз – отмаливает. Проходим внутрь, видим, как чья-то фигура в темном углу сежде-поклоны бьет, тихо слышатся «Кульху Аллаху эхад! Аллаху Самед! Лям Йяллид, вя лям Йюлляд, Вя Лям Йа Кюлляху в'Аллаху эхад!» – слова «Эль Ихляс», последней суры Куран-и-Керим.

Проходим мимо, дальше, идем в сторону михбара, пустой ниши, указующей в сторону Мекки, у башенки минбара-кафедры ходжа останавливается, заходит внутрь, манит меня за собой, одними губами беззвучно произносит: «Следуй за мной». Наклоняется,

берется за край старого, пыльного ковра, откидывает в сторону, а под ним – плита с небольшим кольцом. Приподнимает, и я с удивлением обнаруживая, что крученая лестница, ведущая наверх, к площадке минбара, с которой обычно читает свою пятничную проповедь имам, идет еще и вниз.

Ходжа спускается в темноту, и я следую за ним. Странно, но в воздухе узкого, идущего под землю прохода, я не чувствую ни спертости, ни затхлости, наоборот, откуда-то дует свежий, холодный поток воздуха. Шепотом спрашиваю:

– Этот путь ведет в Мечеть Аль-Харам, Учитель?

Внутренний «двор», Мечеть Аль-Харам, куда запрещен доступ обычным послушникам, и только ходжи-учителя имеют право бывать там. Считалось, что у нашей мечети ее либо вообще нет, либо она очень маленькая, и вообще находится под землей, ведь за стеной, обращенной к Кибле, в сторону Мекки, никакой другой закрытой стены с двором не пристроено! Разные слухи ходили среди учеников-талибов и послушников Белого Медресе, и вот мне, десятилетней мальчишке, дозволили прикоснуться к еще одной тайне этого удивительного места! Возбуждение охватило меня, и еще больше усилилось от ответа Учителя:

– Мечеть Аль-Харам, говоришь? Гм... ну, можно и так сказать. Тебя призвал Пір Бекет! Мы идем на зийрет к нему.

Язык мой словно присох к горлу. Ставка Пір Бекета, великого суфия, находится далеко отсюда, в Огланды, не меньше, чем неделя пути на самых быстрых лошадях, и это сколько же людей, сколько лет должны были рыть подземный ход туда? И сколько времени нам понадобится, чтобы идти туда пешком? Не ждут же нас там, под землей, лошади, в конце концов?

Мы продолжали спуск по узкой крученой лестнице вниз, под землю, я все еще ничего не мог сказать от изумления, а Учитель – он молчал, и только чалма его будто светилась внизу, в этой кромешной темноте, в которой я не мог разглядеть даже своих рук. Холодный сквозняк тянул с самого низу, но дыхание мое

было чистым, и даже в горле перестало першить, хоть еще получасом ранее там, в огороде медресе, я чувствовал себя простуженным.

За мыслями о внезапном исцелении даже не заметил, как путешествие наше из спуска по лестнице превратилось в шествие по узкому коридору, все еще круто ведущему вниз... но через какое-то, уже потяренное число шагов, идущего полого, а затем и вовсе ровно. Все еще темно, а чалма ходжи будто изнутри светится. Слышу шаги – свои, его шагов не слышно, будто ходжа не идет, плывет над странным полом этого странного коридора, отчего-то совсем не холодного, даже ноги согрелись. Может, под землей всегда так тепло? На уроках ходжа рассказывал нам о книге Абуль-Изз Исмаила Аль-Джазари, «Китаб-уль-Хаяль», в которой тот предполагал, что глубоко под землей находятся огненные моря, которые греют нашу землю изнутри. Может, мы уже спустились так глубоко, что жар этих огненных морей пересиливает морозную зиму сверху? А как вообще глубоко мы опустились? Я подумал о том, что потерял счет времени, и уже не ощущаю вокруг себя стен коридора, и даже теплой земли под ногами. Есть только прохладный сквозняк, упорно и ровно дующий в лицо, словно пытающийся помешать моему продвижению вперед, и белесое пятно – одеяние ходжи На Сима, идущего впереди меня. Весь мир исчез, пропал, собравшись в одно белесое пятно света во тьме, и свет этот – мой Учитель, ведущий меня к моему Пиру, к вершине познания, пока еще чужой мудрости, которой предстоит стать и моей тоже...

– Верные мысли облегчают путь идущему, приближают к цели, сокращают время в дороге! – голос ходжи На Сима казался довольным, хотя и звучал приглушенно, будто говорил он со мной совсем уж издали, хотя, казалось бы, вот же он, руку протяни, и коснись туманного пятна впереди, которое – спина идущего наставника.

Но нет никакой спины передо мной, а значит, нет и наставника, и даже самой руки, которой мог бы его коснуться нет, а значит нет и ученика, есть только сознание, идущее по темному пути за

туманным намеком на свет впереди.

И когда я понял это, наш путь закончился. Туманное пятно вновь стало широкой спиной ходжи На Сима, стены узкого коридора блестели потеками влаги в красноватом свете, исходящим из расширяющегося прохода впереди, а пол – вот он, под ногами, шершавый и теплый. И только холодный сквозняк никуда не исчез, только усиливался с каждым шагом, уже и в самом деле создавая сопротивление, мешая идти, словно встречный подземный ветер не хотел пускать нас к проходу. Но он же и усилил, донес слова Учителя:

– Чем ближе к цели, тем сильнее сопротивление идущему.

Язык мой вновь повиновался мне, я смог разлепить, казалось, склеившиеся навеки губы, спросить в ответ:

– Почему?

– Чтобы идущий не забывал о цене, заплаченной за достижение цели. Чтобы достигший цели стал сильнее того, кто только отправился в путь. Чтобы... да откуда я могу знать, я же не Пір! Вот Пір, у него и спросишь!

Пір Бекет, великий ходжа, наставник наших наставников, учитель учителей, сидел в глубине большой подземной залы. Седьмая зала, заветная мечеть аль-Харам четвертой джаами, построенной Бекет Ата в нашей степи, в эту залу он проходил только с самыми близкими учениками, или особыми гостями из числа паломников. Причем особенность их определял он сам, и не зависело это ни от богатства, ни от знатности рода паломника. Хану или бию могло быть отказано в посещении седьмой залы, а какого ни будь знахаря из пастухов, что травами верблюдов да овец лечит, мог святой старец сам в заветный зал проводить, и о чем там с ним беседу вел, никто не знал. Я помнил это, потому что уже был здесь. Два года назад, вместе с отцом, я был одним из тех, кого Бекет Ата, Святой Адай, взяв за руку, отвел от отца и братьев в сторону, к большому ковру, который был пологом, отделявшим залы друг от друга... Мы прошли тогда

пять таких проходов, и я помню, каким изумленным взглядом провожали нас редкие мужчины и женщины, встречавшиеся нам по пути. Чем дальше мы шли, тем меньше их было. И что странно, я хорошо помню все, малейшие подробности убранства каждой залы, а вот о чем Старец говорил со мной – не помню. Вообще. Кстати, об убранстве залов: я заметил, что зал, в котором мы оказались сейчас с ходжой На Симом, отличается от прочих совсем чуть, неуловимо, но – отличается. По ощущениям, будто бы я там, вот, и стены те же, белый известняк, и ковры, будто не менявшиеся со времени двухлетней давности паломничества, но все мои чувства кричали мне, что мы в совсем ином месте, и место это находится так же далеко от Огланды, как и от нашего Ак Медресе, что остался в Сарайшыке.

– Потому что ты в кармане Мира, мальчик! – голос Старца ничуть не изменился: если я и забыл, о чем мы с ним говорили, то уж сам голос не забыл бы и не забуду никогда!

Сухой, но при этом полный силы, и тяжелый, как шуршание снежных сугробов, пластами сходящих со своего места от собственной же тяжести после первого большого снегопада на пастбищах-кыстау в Индерборе, куда мы отгоняем скот на зимнее кочевье. А говорит Пір Бекет быстро, как вода речная во время весеннего паводка, и смысла в словах столько же, не удерживаются они в звуках и формах этих слов, выплескиваются прочь, как из переполненного русла и рукавов-ериков своих Ак Жайык. Того и гляди, затопят они сознание, завертят в водоворотах ускользящих значений, затянут в глубину неведомую, где и потеряешься во тьме собственного невежества. Тут главное – остаться на плаву, не сдаваться, слушать, чувствовать, как реку чувствуешь, и плыть вместе с ней, не борясь, почем зря растрачивая силы, но вместе с потоком идти вперед, зная, что впереди непременно будет берег понимания. А направлять себя в этом потоке, как гребками рук и движениями ног, вопросами:

– Разве есть у Мира карман, Ата?

– А что же он, думаешь, Мир наш, голый совсем ходит, что ли? –

смеются снега и сугробы, река и половодье, несут-ведут к берегу-знанию: – Мир в пространство, как старик в зимнюю одежду, закутан, и карманов у него в одеждах не мало, знай только, ищи карман по себе, чтобы от твоего пути недалеко был. Между складками ткани одежды той путями жизней человеческих, сквозняками чистого воздуха бродят смыслы и знания, клопами копошатся сомнения и страхи, а Мир-старик складки те в карманы скручивает, в них самые любимые свои смыслы прячет, значения складывает, чтобы клопы, значит, не заели.

– Смыслы эти, Ата, в виде залов, получается?.. – робко перебиваю, стоя почти у самого михраба седьмой залы – Мечеть аль-Харам, и ощущаю себя грешником и еретиком, хотя это вроде бы не я, но сам святой в пустой нише уселся, там, где только божественной пустоте быть полагается...

– А спину да то, что пониже спины у имама, когда они во время намаза перед глазами твоими, ты, значит, за ересь не считаешь, и не смущает тебя это?! – смеется Святой Старец, и от святотатства такого в сторону святая святых – имама да намаза – меня, буяна известного, да строптивца, передергивает. Но Великий Пир Бекет продолжает, говорит, потрясая само мое представление о святости: – Ты не спине имама молитву возносишь, и не пустоте в михрабе, так чего волноваться за цвета и узоры на ткани одежды Старца-Мира, когда ищешь ты возможность познать, что под тканью одежд из иллюзий и снов человеческих? Зал этот – твой сон, мое представление о том, каким этому карману выглядеть должно для тех, кого я сюда привести смогу. Потому как настоящая Мечеть аль-Харам моего храма там, в Огланды осталась, а это – точное подобие ее, в кармане Мира, куда привел вас мой зов, да твои с наставником стремления к познанию истины.

– Далек ли мы от Огланды, Ата? – спрашиваю, а сам своей дерзости дивлюсь.

Пир Бекет же только улыбается, точно знаю, что улыбается, хотя не могу разглядеть лица его от игры теней, которых в этой зале

из-за иллюзии белого известняка больше, чем света от небольшого светильника, что вдруг оказался расположенным за спиной Старца в глубине михраба.

– Слышишь, На Сим, а правильные вопросы задает мальчишка! Не ошибся я в нем! – довольный звучит голос Бекет Ата. В ответ ходжа ворчит недовольно:

– Да что правильно-то, Пир ходжа? Обычный у него интерес, как у всех мальчишек, чуда ему хочется, вот о чуде и расспрашивает!

– Конечно! Всем в мире чуда хочется, разве ты не такой? Разве не за чудом ты пришел еще мальчишкой семилетним к Учителю Ма Лайчи в школу «Куфия»? И разве не чудом стало, что последний из живых наследников династии Мин исчез, а вместо него появился Мастер На Сим, которого до сих пор маньчжурские генералы без дрожи вспомнить не могут? – Пир Бекет обращается к ходже На Симу, вроде, хвалит его, только в голосе теперь злой какой-то смех, а пламя в михрабе всполохами алыми, кровавыми, выше поднялось будто, и тени в зале сгущаются, пляшут по белым известняковым стенам фигурами воинов, схлестнувшихся в смертоубийственной сече.

– И почему это меня не радует? – с печальной улыбкой отвечает ходжа. И сразу вся злость исчезает, и тени пропадают, и огонь в нише михраба горит тепло, уютно, по-доброму. И голос звучит у Пир Бекета снова с прежней добротой:

– Знаю, что не радует. Потому что тебе после меня Пиром быть.

– Место твое мне не занять, Пир Бекет! Я на своем месте, в своем медресе...

– Да уж, действительно, не занять... – сокрушенно качает головой Святой Старец. – Если ты медресе все еще в речи – «своим» называешь, рано тебе. А ведь все в тебе есть для Восхождения...

– Взойти на вершину, чтобы оставить мир? Оставить их? – ходжа спорил с самим Пир Бекетом, вдруг с удивлением для себя осознал я. Значит, не я один такой дерзкий?! И злорадной змеей

мелькнула мысль: «Эх, вот послал бы его сейчас Ата в огород с мотыгой, на мороз, снег убирать!»

– Мир? Не мир, но страсти мирские! С собой одним пытаешься все прорехи в истрепавшейся ткани одежд Старца-Мира заткнуть? Нет в том смысла! Снег убираешь в зиму, вот чем ты занят, На Сим!

– вдруг попенял Ата моему Наставнику, а тот возьми, да и повтори мои слова:

– Если зима находит смысл в том, чтобы снег был, то почему бы и мне не искать смысла в вечной его уборке, Великий Пир?

– улыбнулся мне ходжа На Сим ибн Насим, и так хорошо мне от этого вдруг сделалось. А Пир Бекет, вместо того, чтобы осерчать на ходжу за дерзость его в споре, да придумать наказание похлеще зимнего огорода, вдруг возьми, да и засмейся:

– Хорош ходжа, нечего сказать – своему Піру урок дает, который сам же от своего ученика получил! А значит, не ошибся я и в этом поначалу – достоин ты зваться Пиром, и Восхождение свое, видать, давно совершил, да только не остался на вершине, вернулся в мир, к людям, к страстям.

– Мои это люди! – кивает в ответ ходжа На Сим. – Мой мир, мои страсти... Куда я от них, на какую вершину сбегу от ответственности, что всякое познание на меня возлагает? Вот, ребенок этот...

– Да, ребенок этот! – будто спохватился Бекет Ата, внимание на меня обернув.

Странное дело, глаз его не вижу, лица не различу, а что смотрит на меня пристально – чувствую всей кожей. Кажется, самым воздухом в зале обнял меня, и ощупывает, да не тело, а саму душу, мысли мои самые потаенные перебирает теплыми, чуткими пальцами, словно бусины на четках молитвенных.

– Ребенка я сейчас видеть хотел, пока не поздно для него, на перепутье он... Иди сюда, бала!

Я подошел ближе, совсем рядом встал, но видеть самого Святого стало еще труднее – пламя оказалось прямо у него за спиной, жар аж чувствую, а вот свет померк, пропал, и стал весь Пир

Бекет для меня одним темным пятном, от которого странный дух гуль-аб – розовой воды тонко так чувствуется. А Бекет Ата меня за руку берет, и я чувствую, что пальцы у него сухие, шероховатые, и кожа на них, будто истончившаяся вконец, как у совсем старых людей бывает. И голос Старца вдруг изменился, стал шелестом горькой полыни по осенней степи:

– Веры в тебе нет, одним сомнением вперед движешься. И хорошо это, и плохо. Хорошо, потому что сомнение не даст тебе с пути Судьбы твоей сбиться, всегда будешь правду искать сам, свою, и пока сомневаешься, не обманут тебя, не сведут с дороги. Но вот учить... учить тебя тяжелее будет, станешь ношей невыносимой для наставников своих, ведь школа наша, знание наше – от веры, не от сомнения, как это в обыкновении было во времена предков наших. По-хорошему, тебе бы шаману в ученики податься, но не судьба... Не Судьба!..

И вздохнул сокрушенно, так, что мне даже жалко его стало, хотя, вроде бы, он сам меня сейчас жалеет. Ну, когда старый мудрец ребенка жалеет – это-то понятно, а вот десятилетнему, еще в свой мушель-жас не вступившему, куда старца жалеть, да еще и Святого? А мне его все равно жалко. И я говорю, искренне, от всего своего сердца, которое с таким жаром стучит сейчас, будто стенки тюрьмы-судьбы, мне написанной, разбить пытается:

– Я поверю, Ата! Обещаю, я сильно постараюсь, и поверю, честно! Мне бы – доказательство, мне бы хоть одно чудо!..

– Чудо ему?! – возмущенно восклицает Учитель. – А прохода через карман Мира тебе мало? Какое еще тебе чудо нужно, наглец малолетний? Мотыгу бы тебе в руки, да в сад, снег разгрести, за дерзость твою!

– Не ругай мальчишку, – шелестит голос Пір Бекета. – Он тебе помочь пытается, твою дорогу облегчить. Не умом, так сердцем чует, какой груз ты на себя валишь ради его народа, который стал для тебя – своим...

– За свой выбор я сам в ответе! А он пускай... он! – и вдруг прервался ходжа На Сим, будто ком сглотнул мой наставник, и уже другим голосом, сиплым, продолжил, и слышался в голосе том какой-то страх, что ли? – Что увидел ты, Пір Бекет? Что в будущем мальчика такого ты узрел? Открыта тебе Книга Бытия, и ведаешь...

Бекет Ата ответил устало, чуть слышно:

– Ничего я не ведаю теперь. Вот уже третий день – ничего не ведаю про будущее. Я сам теперь – часть прошлого, в настоящем я – то есть, то ли нет, и то – по вере обращающегося ко мне, а уж грядущее мне теперь и подавно закрыто. Только чувствовать могу, что Судьбу свою верой мальчишка этот изменит... изменил... К лучшему ль, к худу – не знаю. Но сделаю то, что должен, то, зачем позвал.

Замолчал Бекет Ата, будто вздохнул тяжело, а вдоха-то и не слышно, тишина одна, сухая, такая, наверное, только тут, в кармане Мира бывает. А сам, смотрю, рукой по одеждам шарит, будто карман ищет. Что-то извлекает, кажется – не поймешь ведь в этой мешанине теней и силуэтов, хоть и близко стою, а будто сон вижу наяву.

– Три подарка я тебе сделаю, мальчик. Первый – это знание о карманах Мира. Судьба твоя великая, значит, и враги сильные будут. Уставать будешь на пути своем, усталому же путнику нужно всегда место укромное – схорониться, передохнуть... Никто тебя не поймает – если сам не захочешь пойманным быть.

Сказал, и в ладонь мне бусину положил – камушек обкатанный. Такие камушки в степях Мангышлака часто встречаются, говорят, это от того, что раньше степь наша дном великого моря была. Камушек в ладонь мою словно впечатался, будто след оставил. А Пір Бекет продолжал:

– Второй подарок советом будет. Слушай меня внимательно, от этого судьба твоя зависит. Сомнения своего не теряй, мальчик! Степняком родился, значит в сомнениях извечном сила твоя, в

вечном поиске истины, правды, человеческой ли, всего ли мира, от земли и до неба – всегда ищи, и поиск твой вечным должен быть. Путь веры слепой не для тебя, и не для народа нашего, это я еще понял, когда настоящее для меня в будущее не обратилось. Не верь – знай! А потому – учись, и учебы не бросай ни за что! Пусть мучением станешь ты для наставников своих, пусть невыносимо тяжелой будет ноша эта для учителей, что неверующему знания давать возьмутся, но в том залог истинного познания, чтобы дети наши лучше отцов жили. Слепая вера в прошлое смотрит, сомнение же – вперед ведет, знание рождает. Через сомнение мир принять – тяжело, но достойно мудреца и батыра, через веру слепую с миром мириться – удел слабого человечка-пенде! Какие бы блага тебе не предлагали в жизни – сомневайся. Надежны для степняка степь под ногами коня, да небо над твоей головой, но и они надежны – здесь и сейчас. Помни, что и степь когда-то была морем, а небо может закрыться тучами и ударить грозой.

– На что же тогда опираться, Ата? – спрашиваю, потому что растерялся. А Старец вот, он не теряется, сразу ответ находит:

– А на что ты всегда опирался? На себя, на сердце свое, на понимание того, что верно, что правильно, ведь знаешь ты, где у тебя рука правая, чувствуешь, где сердце твое стучит, и что его биться заставляет. Простые знания – самая верная опора для степняка. И если чувствуешь, что говорят тебе что-то, пытаются обосновать это самым правильным, единственно верным, то помни, что нет у степняка единственно верных путей, ведь вся степь перед ним, все дороги открыты, и единственный, как тебе говорят, путь, может оказаться нужным не тебе, но тем, кто тебе его предлагает. Выбирай свою дорогу сам, бала... через сомнение – выбирай.

Сказал, и еще одну бусинку в ладонь мне вложил-впечатал. А я сжимаю бусинки в руке, чувствую, как они трутся друг о дружку, уютно, будто знакомятся. Бекет Ата же продолжает:

– Третий подарок будет исполнением твоего желания. Чуда ты

просил, бала, чудо и получишь. Вернее – доказательство его. Пойдешь вместе с наставником своим через этот полог. Увидишь то, чего, как тебе казалось, быть не может, не должно. Поверишь. Только не вздумай на чудо это опираться, чтобы веру обрести. Только – знание твой путь. Только – знание! Иди же теперь. Веди его, На Сим!

Последнее – это он уже Учителю. А тот смотрит недоверчиво, блики от сполохов огня в михрабе на лице играют, и кажется мне, что ходжа сейчас сердится.

– Как обратно вернемся, Пір Бекет? Или второе чудо на меня возложить решил? Знаешь ведь, не люблю я этого...

– А ученика своего любишь? Хочешь, чтобы остался он с тобой? Так яви ему чудо! Пусть поверит в тебя! Хотя бы – в тебя! – сказал Старец, и вбил мне в ладошку третью бусину-камушек.

Как будто огнем ожгло ладонь, таким чужим он показался в моей руке, этот третий подарок Пір Бекета, Великого Старца, мудреца суфийского, что сам храмы веры строит, а меня к сомнению призывает. А я смотрю на своего учителя, и вдруг понимаю, как они с шаманом похожи. Оба против своих учителей пошли, надежды их не оправдали, только шаман мой – мне понятнее, яснее. Вот, как Бекет Ата сказал, сердцем чувствую, как свою правую руку ощущаю, что шаман делает, чего хочет. А ходжа – как будто потерянный, между тем, что его школа требует, и тем, во что он верит. Как будто на холодном камне цветок вырос, так и его путь к истине из холодной, будто чужой ему веры растет. Но растет, и это уже – чудо. Видимо, за таким чудом и шел он когда-то, когда был мальчиком, как я... об этом, наверное, Бекет Ата рассказывал...

– Идем! – ходжа подошел ко мне, взял за руку, а мне Пір Бекета отпускать отчего-то не хочется. Он сам руку мою, с камушком, зажатым, отпустил, добавил:

– Хочешь чудо узреть, умей отпускать то, за что до того держался, что отпускать меньше всего хотел. Иначе никогда чуда

и не получишь, останешься с тем, что имеешь.

– А если то, что я в руке своей держу, уже само и есть чудо? – вырвался у меня вопрос, который я даже задавать не думал. Усмехнулся Бекет Ата, я его лица не вижу, но чувствую, улыбается мне:

– Умный мальчик! Но иногда чудеса, что мы имеем, могут сами от нас уходить. С этим тебе тоже предстоит научиться жить. Иди...

– Мы еще встретимся, Ата? – это я уже через плечо ему, чуть ли не кричу, голос мой среди стен белых мечется, сполохи огня в михрабе вторят ему, светом алым да тенями подтанцовывают, а ходжа тянет, тащит меня прочь от Пір Бекета, к которому сам и привел, в сторону прочь от михраба, к ковру пологу, что должен вести в соседнюю, шестую залу подземной мечети в Огланды, какой я ее помню... Не успеваю услышать ответ, учитель полог откинул, прошел, и меня за собой...

Вот и встретились! Не в шестой я зале, а все еще в седьмой, но теперь – самой настоящей, реальной, такой, какой она должна быть по моим воспоминаниям с первого зиярета в это место два года назад. Все так, все правильно – чувства мои не обманывают меня! Вот и Бекет Ата здесь! Только...

Лежит, закутанный в саван белый, а лицо такое, словно спит, но ходит вокруг имам с маленьким кумис куманом – серебряным кувшинчиком для благовоний, обрызгивает тело Пір Бекета гуль-абом, розовой водой, отчего цветочный дух по всей зале стоит, но не тяжел он, как то обычно бывает на похоронах, а будто настоящий розовый куст расцвел, и аромат источает. Я такой куст дикой степной розы в степях близ Уральска видел, хотя всего один раз там был, мы ездили с отцом на большой праздник-той в кочевье Бокей-хана... Я запомнил этот аромат на всю свою жизнь, и сейчас он снова вернулся ко мне, как запах самого раннего детства. Только вокруг не было весны – даже тут, под землей, чувствовалась зима, царившая снаружи. И праздника не было – потому что здесь прощались с телом Піра Бекета... моего

Бекет Ата! Мне казалось правильным – Ата ведь сказал мне, чтобы я делал только то, что считаю сердцем правильным! – думать так. Не с ним самим, но с телом прощались люди, собравшиеся тут. Хотя и не все!

Вот, плачет невестка Великого Целителя – немолодая уже женщина, жена его старшего сына, та самая, которая доила кобылицу, из-за чего Пир Бекет опоздал открыть карман в Бухару и Самарканд, где его ждали больные в надежде на исцеление. Это я сейчас понимал про карман, а в легенде, которую повторял каждый новичок-послушник в Ак Медресе, это называли чудом. Чудесным считалась способность суфийского Пира, наставника наших наставников, за одно утро появляться у ворот трех разных мечетей – от Самарканда и Хорезма до Азова, чтобы исцелить страждущих. Эта женщина сейчас плакала искренне, она раскачивалась на одном месте, судорожно сжимая натруженные руки степнячки, издавая протяжный, высокий, еле слышный вой, который поглощали темные ковры, развешанные по белым стенам седьмой залы. Она прощалась со своим свекром, и, хотя при жизни его тела становилась каждый день свидетелем чудес, что он творил, сейчас она забыла обо всех них, и не могла уверовать в самое главное чудо, о котором я начинал догадываться сейчас!

Имам, что окропляет розовой водой тело, которое покинул могучий дух – он прощается искренне, хотя совсем не плачет. Я будто чувствую его мысли, деловито-спокойные, соразмеряющие выгоду от того, что не будет больше чудес, смущающих умы, нуждающихся в объяснениях богословов-недоучек, все жизненные заботы которых сведены к службе политике ханов, и собственной наживе. Он никогда не признается в этом, но на самом деле сердце его довольно тем, что беспокойный Пир Бекет ушел из настоящего – в прошлое, а особенно доволен своей ролью во всем этом спектакле: ведь именно он выполняет этот важный с точки зрения его веры обряд. И на всю свою жизнь теперь, благодаря этой роли, он обеспечен почетом, уважением, лучшими кусками мяса с чужих дастарханов, первой пиалой чая, и самым богатым

халатом-шапаном на тоях-праздниках!

Так где же тут обещанное чудо? Нет здесь чудес, а есть только люди, обыкновенные, какими они всегда и были, со зрячими глазами и слепыми душами, живущие среди чудес, но не способные их разглядеть, меняющие богатство множества путей к Истине на свое жалкое представление о том, что есть настоящее, что во времени, что в мире вокруг.

Ходжа На Сим будто мысли прочитал:

– Что, не видишь обещанного чуда? И не увидишь! Не здесь оно. Идем, дальше идем. Чудо не здесь тебя ждет...

Отодвигает полог, ведет меня дальше, через шестую залу, пятую, четвертую... Мы проходим через залы, полные людей, но я уже погружен в свои мысли. Мне десять лет, но я кажусь себе старым. Мне не кажется чудом знание о карманах Мира. Я не поражен тем, что говорил с аруахом Пір Бекета, когда в Мечети Аль-Харам омывали его тело. Что со мной не так? Чего я хочу достичь через свое сомнение, на что буду опираться, если во мне нет веры, которая сделала Пір Бекета и ходжу На Сима такими сильными? Ведь они сильнее моего друга – старика шамана, разве нет? Или я чего-то еще не знаю?

– Ты ничего не знаешь, мальчишка! И прекрати думать вслух, однажды тебя это или погубит, или сделает поэтом... или и то, и другое одновременно!

Учитель смотрит на меня рассерженно, даже остановился, бурчит недовольно:

– Нет, это же надо иметь такую наглость, а? Дух Пір Бекета, проход через карман Мира его не заставлял так с разинутым от удивления ртом стоять, как знание о том, что ходжа не мысли его читает, а это он сам такой дурак, что вслух думает, да?

Действительно, рот у меня разинут, в ответ только киваю. Ходжа опять тянет за собой:

– Пошли, я тебе еще чудо показать должен настоящее. А потом – домой, скоро время намаза, мне за имама стоять сегодня!

Покорно плетусь за ним, воздух вокруг все свежее с каждой пройденной залой, приближающей нас к выходу из подземной мечети. Прохлада зимнего дыхания словно прочищает мне ум, я начинаю замечать, что людей вокруг не меньше, и еще замечаю что-то особенное, отличное от того, что видел в Мечеть Аль-Харам...

Вышли к свету внезапно, солнце отражается от снежного покрова гор и холмов вокруг, безжалостно режет глаза, и даже мысли, рассекая, заставляя их прерваться, чтобы смениться новой: здесь и есть настоящее ЧУДО!

Разноцветными пятнам по снегам разбросаны сотни... нет – тысячи паломников! Они молятся, закрыв глаза. И – никто из них НЕ ПРОЩАЕТСЯ! Они молятся, а я будто слышу их мольбы, просьбы, обращенные не к Богу пороков Ибрахима и Нуха, и всех прочих, неизвестных мне батыров пустынных бедуинов, но к аруаху Пир Бекета. И у каждого – своя просьба, своя беда, своя болезнь, и с каждым здесь Пир Бекет говорит, не словами, но сердцем говорит, внушая успокоение, и если хватает сил его, ограниченных лишь тем, что он теперь уже только в прошлом, то помогает. Если же выше сил его беда, то дарит хотя бы возможность примирения с потерей. Но не в этом истинное чудо – ведь еще от шамана знаю я силу аруахов моей Степи, и знаю, на что способен дух суфия, сумевшего изучить школу прошлого, разрушившего правила в настоящем, и заложившего фундамент школы новой – для будущего. Знаю, и потому не поражаюсь этому, я, десятилетний старик, рожденный куда-то для духов Степи, и примирившийся со своей судьбой, но не с судьбой моего народа.

Народ и его ВЕРА – вот ЧУДО, изумляющее меня, вот настоящий третий подарок от Бекет Ата. Третий камень-бусина в ладони обжигает кожу, два других сопротивляются ему, пытаются охладить, но он сильнее, он спорит, бьется с ними, в нем не

знание, но ЧУДО, и рождающаяся от этого чуда – ВЕРА! Та вера, на которую я могу опереться, вера на лучшее, чтобы ни случилось, живущая в людях, вера в лучшее в них самих, ведь знают же они, знают, не могут не знать!

Воздух морозный пробрался до самого горла, вновь першит оно, и сиплым голосом спрашиваю я Учителя:

– Когда, ходжа?.. Когда он умер?

Учитель, щурясь от слепящих лучей зимнего дня, не смотрит на меня, отвечает рассеянно:

– Да уж третий день сегодня... до заката тело земле предадут... Что, узрел, наконец, чудо свое?

Наконец-то, обернулся ко мне, посмотрел в лицо мое, присел, взял за плечи, за руки, сжал в своих, больших, таких нужных мне сейчас, добрых руках наставника, заговорил:

– Опасный это подарок, мальчик мой, потому как с первыми двумя его дарами не дружен, вразрез, против них, как великая разрушающая сила – против несокрушимого щита, и что из них – разрушение, а что – щит, каждый раз меняется. Знание ли, или вера, сомнение, или ощущение истинности выбора – каждый раз меняются они местами, всегда в борьбе между собой, и для твоего юного разума, боюсь, рано этот груз принимать. Но Пир Бекету видней, а может, позже он просто не смог бы уже так, чтобы сумел ты коснуться его, дары принять не только умом, но и сердцем... Мы ведь тоже не всесильны, и победа над смертью телесной даже самому могучему духу нелегко дается. Так что принимай дары, пользуйся ими с осторожностью, и если сумеешь ты примирить в себе их силу, то исполнишь и судьбу свое, предназначение. А если не сможешь – быть тебе учителем, как мне, как многим, кто если не словом, так хотя бы всей своей жизнью урок людям преподнесет... Понимаешь?

Нет, не понимаю – качаю я головой, уже не в силах сказать простуженным горлом ни слова. Ум десятилетнего старика,

кажется мне, сейчас сломается, как хребет белого верблюжонка, нагруженного целым остовом юрты, грузом, какой только большому, взрослому нару-туйе поднять возможно. Я чувствую, как мир вокруг меня начинает кружиться, и жар от камушка в руке распространяется по всему телу, горят уже щеки, лоб, глаза слезятся, и все в них туманится...

Напоследок, прежде чем потерять сознание, слышу, как Учитель бормочет, вроде сердито, но в голосе его только страх:

– Некогда церемониться! Давно я этого не делал... Ох, старик, тяжек же твой прощальный подарок, ну да ладно...

Захлопывается ткань одежды Мира, сворачивается складками, будто постирали ее, а теперь перекручивают, чтобы вывесить да высушить бельем на морозном ветру, из провала в темноту кармана мира рвется злой и холодный ветер-сопротивление Идущему-К-Цели, но тепло в руках Наставника защищает меня, а мигом позже и жар от третьего камня, сжатого в ладони, из болезненно-жгучего превращается в целебный, и вновь простуды – как не бывало, и слезы в глазах высохли, но без толку, потому что весь этот долгий миг – тьма вокруг меня. Тьма, какая бывает только в кармане Мира...

Наставник и вправду не стал церемониться, открывая карман, вернувший нас в Ак Медресе, а может, и не карман это был, а самый что ни на есть разрыв-прореха в одеждах старика-мироздания. Потому как тьма сменяется светом – резким, белым... да не сплошь. Вон, темными черточками – следы ворона, издевательски прыгающего по не тронутому снежному настилу на дорожках нашего огорода. И мотыга моя, так и лежит, там же, где и бросил. И только ноги не мерзнут, потому что Учитель держит меня на руках, и несет в кунак-уй, гостевой дом, где моя келья талиба, мои книги, и может быть – горячий чай, который сейчас для меня дороже любого, самого большого чуда.

А ворон так и продолжает бегать по снегу. Может ведь полететь, дурачок. Но нет – бегаёт. Прямо как мы. Люди.

+ + +

Аргамак, тебя я холил,
охранял от бед и хвори,
чуял: чутки твои уши.
Азамат¹ тебя берёг,
видно, зная наперёд, –
ты окажешься, мне нужен.
...Бег коня, коль он от клячи,
все равно, что бег ишачий.
Прыть же – свойство аргамака.
Он, услышав зов из мрака,
словно плетъ, себя стегая,
страстно и нетерпеливо,
добежит, не уставая,
хоть до самого Едиля.
Если дружен с благородным
в час твой трудный и тревожный –
он придет, имей в виду,
отвести твою беду.
Если дружен с недостойным
в час всеобщее беспокойный,
коль окажешься в беде, –
не придет помочь тебе,
постарается продать,
опорочить, оболгать.
...На поле битвы
жизнь жигита – это конь.
Сабля – сила стали,
сила духа и огонь.
В чем же смысл высшей чести,
чести чистой, безупречной?
– Смерть приняв с героем вместе,
подвести всему итог.
...Символ жизни скоротечной –
увядающий цветок.

Махамбет Утемисулы – «Аргамак, тебя я холил». Romanlar